Сеятели

Автор:
Владимир Шорохов

Сеятели

Владимир Леонидович Шорохов

Я мыслю, следовательно, существую #1

Сейла сказала, что разводится. У Конна осталось мало времени, чтобы переубедить жену, но он не успел, брачный контракт расторгнут. Сейла вернулась, и Конн уже не помнил, кто она такая, точно так же, как и она не вспомнила своего бывшего мужа. Блокировка прошла успешно. Но произошёл сбой, и Конн увидел реальный мир. Сеятели – это священная каста, цель которых – созда-вать жизнь. Они бороздили просторы от звезды к звезде, выискивали планеты и сеяли жизнь. Но в одной экспедиции что-то пошло не так. Два героя: один уже отжил своё, а второй только встал на путь сеятеля. Мёртвая планета, кислотные дожди, но свою миссию нужно выполнить.

Владимир Шорохов

Сеятели

Умышленная блокировка

1. Брачный контракт

Другие книги автора (https://www.litres.ru/author/vladimir-leonidovich-shorohov/?lfrom=201227127)

Он не мог запомнить весь этот документ, почти сотня страниц. Юристы хотят свести его с ума. Тогда Конн потратил почти целый день на галочки и пометки. Чего они добиваются? Описать всю его жизнь в рамках этих правил? Бред. Ни шага вправо, ни шага влево, нарушение и штраф. Как так жить?

Сейла тоже пыхтела и ругалась, она хотела всё бросить и забыть про него, но так нельзя, в противном случае её деактивируют. А как же любовь? Разве можно описать её на бумаге. Как можно предугадать свои чувства?

Они встретились в метро. Она толкнула его, и он чуть было не упал. Сейла спешила и не обращала ни на кого внимания, Конн не мог стерпеть такого нахального поведения, догнал девушку и высказал ей всё что мог. А потом появилось это странное чувство, любовь. Они стали встречаться, стали жить вместе, просто без памяти влюбились друг в друга, и вот теперь настало время заключить брачный контракт.

– Я так больше не могу… – Стонала Сейла и падала на кушетку, – они над нами издеваются. Ты только почитай пункт 22.48.1С, это сколько раз я тебя должна поцеловать. Ужас. И это утром, а вечером. Они там что, совсем больные на голову. Может не надо? – имела в виду, не надо заполнять этот контракт. Но девушка знала, что ей всё равно придётся его заполнить, чтобы активировать брачные отношения.

– Нет, надо закончить сегодня. Давай, милая, постарайся, это ведь не диплом писать, всего-то, – он посмотрел на её терминал и присвистнул, – осталось 49 страниц.

Это было давно. Наверно, года четыре назад. Они прожили счастливую жизнь и совсем не придерживались правил, что были прописаны в контракте. Когда хотели целовались, обнимались и валялись на полу. Кому какое дело до них. Но любовь повернулась к нему спиной.

– Конн, я расторгаю контракт. Так больше не могу, прости меня. Активировала протокол расставания. Прошу тебя, не обижайся на меня. Хорошо, милый?

– Активировала? – он был явно шокирован её решением, она даже не посоветовалась с ним. – Почему?

– Так надо, поверь мне. Тебе будет легче без меня, а я не могу больше быть с тобой. – Сейла немного нервничала, ходила по комнате из угла в угол, и всё время отводила взгляд .

– Когда активировала?

– В 6 утра. Извини. Так надо.

Мужчина посмотрел на часы. 9:30. Значит, до полной активации расторжения осталось около девяти часов, а потом всё, Сейла будет стёрта из его памяти.

Каждый гражданин перед тем, как поступить в школу, проходил процедуру идентификации. В мозг вживлялся чип, который выступал в роли паспорта. В нём хранились коды личности, пароли для активации основных жизненных интерфейсов. Чип связывался с центральным ЦПУ и корректировал личность. Он активировался только раз в жизни и был связан с сердцебиением и привязывался к ДНК его владельца. Поэтому, изымая чип, тот просто блокировался и, используя внутреннюю энергию, сжигал основные блоки памяти.

Были случаи, когда чип выходил из строя, но это случалось редко, и тогда включался протокол «осознания». Что это такое, Конн не знал, да и не хотел об этом думать. У него осталось мало времени убедить Сейлу приостановить расторжение контракта. Если ему это не удастся, она пропадёт из его жизни. Он знал, как это работает. Ещё год назад Конн уволился с работы и перешёл в параллельную компанию. В руководстве посчитали, что он переметнулся к конкурентам и, запросив через ЦПУ, ему блокировали все воспоминания, связанные с предыдущим местом работы. Теперь он подходил к зданию, где провёл более 5 лет своей жизни, смотрел на него и ничего не мог вспомнить. Его не узнавали сотрудники, которые с ним работали, им так же через ЦПУ заблокировали воспоминания о нём.

Хорошо это или плохо, он затруднялся сказать по причине того, что утратил воспоминания, связанные с работой. Но помнил, где в эти годы отдыхал, как

ездил в горы, и как сломал ногу, спускаясь в ущелье с Ахцу. Конн помнил, как познакомился с Сейлой, их тусовки с друзьями, но не помнил друзей с предыдущей работы. Теперь они были для него недосягаемы. Мужчина мог смотреть им в глаза и не узнавать их, – об этом позаботилась ЦПУ.

Чип в мозгу менял личность, он входил в контакт с памятью и менял реальность. И теперь у Конн осталось так мало времени, чтобы остановить процесс расставания. Девять часов, а потом всё.

– Милая… – Начал было он.

– Нет, не стоит, я давно уже думала над этим. Прости, но я не изменю своего решения. Наверно, пойду прогуляюсь, тебе надо всё обдумать. – Она подошла к нему, нагнулась, хотела уже поцеловать, но остановилась и, отстранившись, медленно пошла к выходу.

– Постой, – почти крикнул Конн, но дверь закрылась.

Мужчина безвольно грохнулся на кресло, и руки, как свинцовые грузила, что он цеплял на пояс, когда погружался в море, потянули его вниз. Как? Шептал он себе, всё ещё не веря в реальность происходящего. Вот так просто взять и расстаться. Через час стал осознанно мыслить, вскочил и сел за терминал перечитывать брачный контракт. Ему хотелось найти зацепку, чтобы остановить процесс расторжения, но как бы ни пытался, не смог отыскать в сотни страниц, и теперь все они против него. А как же любовь? Опять спросил себя и громко выругался.

Конн проиграл. Смотрел на часы, – осталось пять минут. Стрелка медленно двигалась, секунды отсчитывали последнее мгновение. Вдруг прозвенел звонок, кто-то пришёл. Мужчина тряхнул головой, будто на мгновение погрузился в сон, сам себе удивился, как это он смог задремать днём. Подошёл к двери и, открыв её, посмотрел на совершенно незнакомую девушку.

2. Сейла

– Здравствуйте, я Сейла. Я тут раньше снимала квартиру и у меня остались вещи. Вы не против, если я их заберу?

– Здрасьте… – Он не помнил, когда заехал сюда, вчера или неделю назад. – Да… – Протянул он и открыл пошире дверь, пропуская незнакомку в дом.

ЦПУ за считанные секунды блокировала память Конн и Сейлы, расторгла в одностороннем порядке брачный контракт и вычеркнула из их памяти все взаимные воспоминания. То же самое ЦПУ сделало со всеми, кто их знал.

Девушка зашла в квартиру и быстро по-хозяйски стала собирать вещи из шкафов. Мужчина удивился, раньше даже не обращал внимание, что рядом с его зубной щеткой стояла чужая, что на кухне были не его фужеры, а в спальне вообще валялась женская одежда. Он, как во сне, ходил по дому и не узнавал его. Какие-то цветы, журналы, даже портативный терминал, и тот лежал на столе.

– Может вам помочь? – наконец придя в себя, предложил Конн девушке.

– Да, вон чемодан, несите его сюда.

Кажется, он был его, но уже стал сомневаться. Всё вытряхнул из него и стал аккуратно складывать то, что девушка подавала ему.

– Это моё, – уверенно заявила она и взяла с полки стопку книг.

– Но, – решил возмутиться Конни, но Сейла его опередила.

– И это тоже моё, что вы с ним сделали? – она крутила в руках красный фен, но мужчина не знал, что с ним сделал, и поэтому, извиняясь, пожал плечами.

Он наблюдал за этой странной девушкой, которая бегала по его квартире и всё, что находила, тащила в зал. Как могла съехать и всё это оставить? Думал он, отходя в сторону, стараясь тем самым не мешать ей.

– А это моё! – вдруг увидев, как она кинула в общую кучу плеер, возмутился Конн.

– Да? – явно удивилась девушка, покрутила его в руках, уже хотела обратно положить в свою кучу, но передумала и отложила на место. – Ладно, твой так твой, мне-то что.

– На, – Конн протянул ей розовую фоторамку.

– Она не моя.

– Ну и не моя, – он точно был уверен, что не его, да и фотография собаки, что была в рамке, ему неизвестна.

– Не-мо-я, – громко по слогам сказала девушка.

Она провозилась почти два часа. Конн косился на часы, – всё, день потерян, на работе выпишут штраф. Он тяжело вздохнул и сел в кресло. Девушка, что могла, утрамбовала в два чемодана, ещё позаимствовала у Конн большую сумку, сказала, что завтра вернёт. И пыхтя, отказавшись от его помощи, зашла в лифт.

На столе так и осталась фоторамка с фотографией пса. В квартире была полная разруха. Вот что может сделать всего одна женщина за пару часов. Он потратил весь вечер, чтобы навести порядок. И всё же этот пёс, откуда он у него, да ещё рамка розовая, как у девчонки.

Наступило утро. Надо поторопиться. Не хватало опоздать, тогда точно ему несдобровать. Конн перепрыгивал через лестницы, выскочил на улицу и как можно быстрее побежал на остановку. Влетев в фойе института, он не заметил, робота-уборщика и то, что пол был влажным. Мужчина поскользнулся, крутанулся в воздухе и со всего маху шлёпнулся на мраморный пол.

3. Подъезд

– Что? – прохрипев, он постарался открыть глаза.

Слышались чьи-то голоса, но они звучали как-то отдалённо, будто с улицы. Почувствовал отвратительный запах, который буквально обжег ему нос, сразу выступили слёзы, и он закашлял.

– Живой, отошёл, – с облегчением сказал женский голос.

– Ну ты, парень, даёшь…

– Надо осторожней…

– Как вы себя чувствуете?

– Что? – он постарался сконцентрироваться, но это давалось с трудом. Тошнило, ком застрял в горле и появились тёмные пятна в глазах. – Что?

– Сесть можете?

– Да, – с трудом ответил и стал садиться, кто-то ему помог.

– Не вставайте, я сейчас проведу диагностику.

Конн уже мог видеть. Перед ним был мужчина в синем халате, точно медик. Все, кто толпился вокруг него, стали расходиться. Врач посмотрел на показатели приборов, немного попыхтел, потыкал пальцами в его грудную клетку, пощупал голову, а после выдал свой вердикт.

– Я прописал вам на три дня больничный…

– Нет, док, мне надо… – вспомнил, что ему на этой неделе надо закрыть проект.

– Иначе в больницу, – пригрозил мужчина в халате, и Конн согласился. – Вот рецепт, обязательно отлежитесь, если будут галлюцинации, вот телефон, – тут он сунул ему визитку, – сразу звоните, с головой не шутят. Как себя чувствуете?

– Голова, – мужчина старался прогнать пятна, что плавали буквально перед самым носом, но стоило ему тряхнуть головой, как его сразу начинало

тошнить. – И ещё.

– Кружится? – Конн кивнул. – Тошнит? – Он опять кивнул. – Сотрясение. Вам помочь?

– Нет, спасибо.

Мужчина тяжело встал, пошатываясь, дошёл до диванчика, что стоял около искусственной пальмы, и присел на него. Всё плясало в глазах: то темнело, то опять вспыхивало. Как же меня угораздило. Тихо, чтобы не потревожить мысли, шептал Конн. Но, похоже, он и правда хорошо впечатался в пол.

Плёлся домой. Хотелось добраться до дивана и рухнуть. Иногда тошнота проходила, и удивлялся, с чего это решил не идти на работу, но уже через минуту всё возвращалось обратно, и опять мысли были только о диване.

В подъезде двери автоматически открылись, и Конн, зайдя, сразу остановился. Увидел серые, все в трещинах, стены. Тихо повертел головой. Ступеньки были грязными, заплёванными. Он помнил другой подъезд, перламутровые стены, мельхиоровые ступеньки, а тут какой-то бомжатник. Мужчина развернулся и вышел на улицу, посмотрел на номер. Нет, 15 подъезд, его дом.

– Что за фигня, – прошептал и вошёл обратно в странный подъезд. Снова затошнило, и уже не обращая внимания на мусор в углу, он поплёлся к лифту.

Укладываясь на свой заветный диван, с облегчением вздохнул. Но подъезд, что с ним случилось? С ужасом вспомнил его, невольно плечи дёрнулись, и глаза сами закрылись. Проспал не один час, в животе заурчало, голова перестала болеть и вроде бы даже не тошнило. Конн сел.

4. Блокировка

– Что? – глаза округлились. – Что? – от удивления встал и медленно пошёл в сторону спальни.

Прекрасно ее помнил. Дверь из ясеня была какой-то жёлтой, а кровать, что виднелась в проеме, посерела от грязи.

– Что за нафиг? – выругался и буквально влетел в спальню. – Что тут случилось?

Старые шкафы и тумбочка на железных ножках стояли вдоль голубой стены. А подушка, сколько ей лет? Потянулся к ней, но рука отдёрнулась обратно, будто боялась испачкаться.

– Сейла, ты где? – вдруг громко позвал её. Сейла, что тут такое? Ты меня слышишь?

Он обошёл вдоль шкафов, заглядывая в каждый, но кроме потрёпанной мужской одежды ничего не обнаружил.

– Сейла? – опять позвал и вышел в зал.

Он замер на месте. Ещё минуту назад спал на мягком велюровом диване: они его покупали с женой. Но теперь на его месте стояла тёмно-зелёная с нелепым рисунком тахта.

– Нет, – уж слишком тихо произнёс и осторожно сел на кресло. – Что тут произошло? – Голова загудела, опять накатила тошнота, мужчина решил было встать, но ноги подкосились, и тело сползло на пол.

Как долго он провалялся – не помнил. Вроде всё нормально, только в животе ещё булькало. Конн открыл глаза от оранжевого света заходящего солнца. Почувствовал, как улыбнулся. Эта люстра Сейле очень нравится, – она напоминает Сатурн с его кольцами.

Присел, взглянул на сверкающий чистотой диван,, встал и осторожно заглянул в спальню. Всё, как и должно быть. Покрывало с цветами огромных подсолнухов, – его купила жена. Зеркало в полстены, они любили в него смотреться, кувыркаясь в постели.

– Фух, – с облегчением выдохнул мужчина и пошёл на кухню. – Сейла, ты где?

Заглянул даже в ванную, но её вещи пропали. Заволновался и посмотрел в гардеробную, но и там не обнаружил следов супруги. Быстро пробежался по всей квартире, заглядывая в каждый угол, но Сейлы, его жены, нигде не было.

– Не понял? – растерянно сел в кресло и посмотрел на фотографию нелепого пса, вставленную в розовую рамку.

Стал прокручивать в голове всевозможные мысли. Может ушла, может обиделась, может уехала в гости, а может? Он решился и набрал номер телефона Юну, это её подружка по работе, вечно делятся друг с другом секретами.

– Привет, это Конн.

– Кто? – голос был явно удивлён.

– Я Конн. Скажи, где Сейла?

– Вы кто?

– Юна, не прикалывайся, мне не до этого, я и так сегодня башкой стукнулся. Сейла с тобой?

– Кто вы такой?

– Я…

– Прошу, не звоните мне, вы, наверно, ошиблись номером, – и тут же связь оборвалась.

Конн не успел ничего сказать. Растерянно посмотрел на телефон. Юна не могла его не узнать, а ведь так часто встречались и отмечали праздники вместе. Мужчина попробовал позвонить Дрине, – с ней Сейла занимается в спортзале. Потом Елене и Луизе, но все говорили только одно, – будто сговорились. Они его не узнавали, не знали, кто он такой. Конн пытался им напомнить, вдруг может и правда забыли, но девушки начинали злиться и бросали трубку.

– Ладно, – значит, точно сговорились. Набрал Робана, он был у них свидетелем на свадьбе. – Привет, молчи, – сразу с первых слов начал Конн. – Лучше скажи, кто я?

– Ты чё, с дуба рухнул, перепил малость?

– Как меня зовут? – настаивал он.

– Конн, балбес, или сейчас уже нет?

– Помнишь мою жену?

– А ты уже женился? – голос сразу развеселился. – Кто эта несчастная, как ты мог её уболтать…

– Знаешь Сейлу?

– Нет, а должен?

Конну стало плохо, он тут же отключился и сразу позвонил Павлу, но и тот ответил, что не знает Сейлу. Попробовал ещё сделать несколько звонков, но пришёл к следующему выводу: его не знают подружки Сейлы, а её не знают его друзья.

– Что происходит? – растерянно развёл руками мужчина и посмотрел на свой портрет с женой, где ещё минуту назад красовался пёс.

У него в запасе было целых два дня, поэтому утром он собрался и пошёл искать жену. Подъезд опять стал нормальным: пропала грязь, трещины на стенах. Покрутил головой, но всё было на месте и, сославшись на сотрясение, убежал на остановку.

Что-то было прежним, а что-то изменилось. Конн увидел здание, которое раньше не замечал, увидел странных людей, которые, опустив плечи, плелись вдоль проезжей части. На асфальте были какие-то плакаты, бумага и рваные тряпки. Обходил мусор стороной и шёл дальше. Вот магазин, а там за углом ветеринарная клиника, а за ним…

– Астра, привет, – Конн обрадовался, что увидел знакомое лицо. Он вместе с ней работал на прежней работе, веселая долговязая девушка.

– Это шутка? – она даже не остановилась, а быстро прошла мимо него.

– Постой, ты тоже уволилась? – понимал, что она идёт не в том направлении, где была его контора.

– Отстань, – отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

– Не помнишь меня?

– Нет, – тут же последовал резкий ответ, и девушка ускорила шаг.

– Не помнит, – обречённо сказал мужчина и уже с опаской пошёл к книжному магазину, где работала Сейла.

Она была на работе, расставляла книжки в детском отделе. Конн осторожно подошёл к ней, улыбнулся, она ответила тем же, но не произнесла ни слова.

– Сейла, это я, – не знал, чего ожидать, поэтому осторожно, почти шёпотом сказал.

– Вы знаете меня?

– Да, – чуть обрадовался он.

– Мы знакомы?

– Да.

– А я вас не помню, наверно, это было давно.

– Нет, вы два дня назад ко мне приходили, вы…

– Я? – Девушка чуть не засмеялась. – Вы так знакомитесь?

– Нет, Сейла, ты меня не помнишь? Посмотри, это я.

– Кто вы? – она сделала шаг назад, стараясь отойти подальше от странного мужчины.

– Я Конн, мы вместе жили пять лет.

– Вы это серьезно? А ничего более умного придумать не могли, ещё скажите, что вы мой муж.

– Да! – радостно воскликнул Конн.

Девушка дёрнулась, покачнулась, резко повернулась, упёрлась о стеллаж и, прижав ладонь к груди, заморгала глазами. ЦПУ, получив несколько запросов подряд о расторжении брачного контракта, вмешалось в процесс разговора, и произвела полную блокировку Конна. Теперь девушка с удивлением смотрела по сторонам, ища своего странного собеседника и не могла его увидеть. Чип унификации девушки вырезал его образ из реальности, заменяя дублирующими образами.

Она смотрела и не видела его. Он говорил, а она его не слышала. Конн закричал, но его уже никто не слышал, ЦПУ блокировала его образ всем, кто находился в магазине. Он стал невидимкой, он тут, но его Сейла не знает об этом.

Почему? Спрашивал, идя за ней, а она ещё несколько раз оглянулась назад, буквально смотря сквозь него, отворачивалась и шла дальше.

Конн целый день проторчал в магазине: то сидел, то стоял, то ложился буквально под ноги своей жены, но она как-то это чувствовала и, переступая через него, шла дальше.

– Милая, это я, – шептал ей на ушко, когда она останавливалась, чтобы открыть книгу и прочитать аннотацию.

Его дыхание касалось её волос, и тогда девушка замирала, осторожно поворачивала голову и смотрела в пустоту.

– Я тут, – повторял он и чуть дул на неё.

Она улыбалась, застенчиво опускала голову, будто знала, что это и правда он. А потом не выдержал и осторожно, чтобы не напугать девушку, коснулся мочки её уха. Так он делал, когда еще ухаживал за ней, она робко хихикала, пожимала плечами, говоря тем самым: «Юноша, не приставайте».

Сейла выпрямилась, глаза потускнели, чуть наклонила голову и осторожно повернулась. Никого в зале не было. Сейчас в магазин вообще редко кто заходит, но это… Она коснулась пальчиком мочки уха, как бы проверяя его, прикрыла глаза и как-то странно улыбнулась.

Конн приходил к ней каждый день. Сразу после работы в магазин, после следовал за ней до её съемной квартиры. Иногда заходил к ней, садился в стороне, чтобы не мешать и смотрел на неё. Мужчина никак не мог понять, почему она его не видит, ведь чувствует, когда он прикасается к её руке. Но почему не слышит и не видит? Сперва думал, что она притворяется, игнорирует его, но после понял, что ни она, ни ее подружки его не видят.

Он долго рассуждал над этим. Смотрел, как девушка принимает ванну, пьёт кофе, а после ложится в постель с книгой. Конн несколько часов ждал пока Сейла заснёт, а после осторожно прикасался к её плечу. Иногда она вздрагивала, а иногда на её лице проступала улыбка, и тогда Конни наклонялся к ней и кончиками губ касался её щеки.

5. Сны

Как давно это было. В груди всё ныло. Почему он выпал из системы? Что произошло? Почему не такой как раньше?

Иногда Конн смотрел на обшарпанные стены своего дома, на свой покосившийся диван и немытые стаканы. А утром всё возвращалось обратно, – всё сверкало и переливалось.

– Я сошёл с ума, – тихо шептал себе, проводя рукой по идеально ровному столу.

* * *

Сейла вернулась домой, было чуточку грустно, в голове вертелись какие-то знакомые мысли. Она весь день пыталась вспомнить, что это было. Вот уже месяц, как чувствует его: то прикосновение к руке, то ветерок у самого носа. Что-то очень знакомое, сердце замирало от этого, она прикрывала глаза и зачем-то тянула губы вперёд. Чувствовала поцелуй, боялась открыть глаза и увидеть перед собой пустоту.

– Тебе надо найти парня, – советовала Юна, видя, как та тяжело вздыхает.

Но Сейла не думала об этом. Она пыталась вспомнить то, что давно забыла. Вчера вечером опять ощутила его дыхание, а после он коснулся её. Уже перестала бояться этого видения, – сперва было страшно, но сейчас даже ждала этого.

– Ты здесь? – тихо спросила она, но ответа не последовало, – лишь слабый ветерок у правого виска.

Девушка улыбнулась и, чуть приподняв подбородок, подставила губы для невидимого поцелуя. Как приятно, как нежно, как ласково, как будто это Конн. Она открыла глаза, резко выпрямилась и задумалась. Конн? Кто он? Что за имя? Сейла села в кресло и ещё несколько раз произнесла это слово про себя.

В тот день он больше к ней не приходил, но это странное имя, что всплыло в голове, не давало ей покоя. Девушка то забывала его, будто стерли ластиком название, то опять с трудом вспомнив, ликовала.

– Ты не знаешь никого по имени Конн? – спросила она у Дрин, но та отрицательно помотала головой.

Спросила у Юны, Светланы и даже у Лари, но никто не знал этого имени. Странно, и опять это тёплое чувство, вроде и не воспоминание, но оно там, в груди что-то не давало покоя.

Он пришёл к ней ночью. Она почему-то знала, что он придёт сегодня. Девушка выключила свет, задёрнула плотно шторы, знала, что ничего не увидит, поэтому и нечего смотреть.

Почему рассвет наступил так рано. Жалась к нему и знала, что это её Конн. Что произошло ночью? Старалась вспомнить, как чувствовала его руки, как вдруг всё пропадало, а после сама тянулась в пустоту.

Мысли путались. Иногда Сейла пугалась себя, забывала имя, холодела, а после вдруг вспоминала Джека, собаку, что им отдали на передержку, а после забрали. Девушка вспомнила, как он её отчитал там, в метро. Почему забыла? Он ведь её муж, где он сейчас?

Она боялась рассвета, боялась, что опять останется одна в пустой постели. Слабый луч протиснулся среди штор и лёг розовым пятном на стену. Казалось, был таким ярким, что резал глаза. Сейла зажмурилась, провела рукой по его груди, а после осторожно открыла глаза.

Её Конни лежал рядом. Он не спал, а смотрел на неё. Она улыбнулась, потянулась к нему, и сама сладко поцеловала. Что это было? Почему они пропали друг для друга? Долго лежали и тихо, боясь спугнуть свои видения, говорили.

Девушка была всё такой же юной, как и пять лет назад, а он таким же весёлым как в тот день, когда решил пригласить её покататься на велосипедах. Теперь они видели друг друга. Она стала слышать, что он говорит, вот только Конна не видели её подружки, но это было уже неважно. Сейла вернулась к нему.

6. Мы с ЦПУ

Он шёл по обшарпанному подъезду, поднялся на скрипучем лифте. Опять произошёл этот сбой в его мозгу, опять он сходит с ума. Конни знал, что увидит дома его покосившийся диван и грязную постель. Но там Сейла, быстро открывает дверь и…

– Здравствуй, милый. – Каким-то скрипучим голосом к нему обращается худая седоволосая женщина.

Конн замирает на месте и с ужасом смотрит на незнакомку.

– Кто вы? – похолодел от мысли.

– Милый, у нас гости.

– Сейла? – ему это далось с трудом.

– Да, присаживайся, я сейчас налью вина.

Горгона отошла, взяла со стола графин, в котором уже как год не меняли воду, налила его в серый стакан и протянула ему.

– Спасибо, – еле выдавил из себя.

– Здравствуйте, мы с ЦПУ.

Руки стали свинцовыми. Конн с трудом поставил стакан на журнальный столик, на котором были накарябаны неприличные слова.

– Вам надлежит пройти «осознания». Вы готовы?

Зачем они спрашивают, я готов на всё, думал Конн, протягивая вперёд руки, на которых тут же защёлкнулись наручники. Он ушёл, не проронив ни слова, даже не оглянувшись на эту странную женщину. Неужели она его Сейла? Неужели и правда он сошёл с ума?

Машина уехала, оставив молодую девушку совсем одну. Она села на мягкий диван, закуталась в плед и стала просто ждать возвращения своего мужа.

Тук-тук.

– Сейла, я немного задержался на работе, мне надо было… – Но Конн не успел договорить, как его тут же обняла очаровательная девушка.

Волшебная пыльца

Если вы сможете найти путь без каких-то препятствий, он, вероятно, никуда не ведёт.

Она как-то ужасно выла, будто по телевизору показывали фильм ужасов. Обнажённая женщина затряслась в агонии, сухие пальцы растопырились, пытаясь схватить пустоту, а глаза… Они просто провалились, словно на полу валялась мумия. Она ещё минут пять хрипела, скребла ногтями по полу, а кот, привыкший к подобному зрелищу, просто довольно растянулся на диване, свесив пушистый хвост и прищурившись от яркого солнца, зажмурил глаза.

Пяточка, величиной не более ноготка на мизинце, сконцентрировала в себе несколько десятков тысяч нервных окончаний.

–Аааххх… – не то прошипела, не то сладостно прохрипела старуха.

Она с трудом разжала сухие пальцы, редкие ресницы задрожали, и пергаментная кожа век, чуть ли не трескаясь, открыла её светлый взгляд. Ярко-голубые глаза выглядели странно на старческом лице. В них сияло что-то очень далёкое, спокойное и в то же время очень знакомое. Женщина потянула руку, чуть приподняла её и посмотрела на свои пальцы. Они уже не дрожали, и грудь перестала трястись, сердце успокаивалось.

– Ах… – уже спокойней выдохнула она и как-то странно улыбнулась.

* * *

Нервы. Они управляют телом, через них проходят сигналы. Мы чувствуем, когда тепло и как нам поставить ногу во время движения. Нервы – это коммуникации между мозгом и его функциями. Что происходит с телом, если нарушить столь тонкую нить? Иногда ничего страшного, – просто потеряем чувствительность. Бывает и так, что мышцы перестают подчиняться, поскольку не получают приказа, и тогда всё…

Мичил вместе с Норрисом работал над проектом по восстановлению слуха у глухих. Проект неновый, ему уже несколько десятков лет. В ушную улитку вводится тонкий электрод с множеством микросенсоров, которые, получая сигнал из чипа, вшитого за ухом, возбуждают волоски, а те создают нервный импульс и передают их уже в мозг. Но у этого метода было слепое пятно. Сам по себе чип ничего не делал, если на него не воздействовал слуховой аппарат, прикреплённый к уху.

Мичил хотел упростить метод, избавиться от чипа и заставить волоски работать в привычном режиме. Ему удалось создать волокно, которое при определённых условиях начинало выращивать искусственные нервы. Метод старый, но его нервы соединялись с уже существующими клетками, строили свои мостики и, удлиняясь, начинали пропускать сигналы.

«Гроздь Мичила», – так её прозвали. Это тоненькая нить, тоньше волоса, на ней через каждый миллиметр крепился сенсор, что при облучении начинал строить клетки нервов. Сама «Гроздь Мичила» вшивалась одним концом к существующему нервному каналу, а другим уходила в то место, где связь с нервами была потеряна. У этого метода был большой минус. Нервные клетки росли только вдоль нити. Однако первые лабораторные испытания были успешны.

Кандас пострадал на работе. Сильный порыв ветра обрушил башенный кран, произошёл разрыв нервного канала между 11 и 12 позвонком, и теперь он не чувствовал ног. Хирурги рискнули, а Кандасу ничего другого не оставалось, как просто надеяться.

Десятки нитей «Грозди Мичила» протянулись вдоль керамического позвонка, – они соединили разрыв, – и все стали ждать чуда. Прошло более месяца, прежде чем Кандас ощутил прикосновение руки доктора к его ноге, а уже через шесть месяцев он смог самостоятельно сделать первый шаг. Но это было только начало.

Первые нити были непрочными. Им необходимо было постоянно облучаться, чтобы искусственные клетки оставались в живом виде. Но даже если всё шло хорошо, года через два вновь выращенные клетки разрушались, и надо было начинать всё с начала.

* * *

– Макси, хватит лежать! Ну же, лежебока, вставай.

Женщина, лежавшая на полу, потянулась, с её лица не сходила блаженная улыбка. Кот вытянул в её сторону свою лохматую мордочку, прищурился и опять закрыл глаза.

– Вот лентяй, сколько можно спать? Вставай, пойдём гулять.

Тонкая старческая рука легла на живот, погладила его, сухие морщины собрались вокруг её впалого пупка. Ах… Тихо выдохнула женщина и, собравшись с силами, села.

– Как это приятно, незабываемо, – зачем-то сказала она своему коту, а тот даже лапой не дёрнул. – Макс, это удивительно, ты понимаешь меня? – но он продолжал спать, не обращая внимания на свою хозяйку.

* * *

Зэлма изменила «Грозди Мичила», избавилась от нити, теперь её субстанция была больше похожа на киселеобразную массу, в которой, словно икринки, плавали сенсоры. Вокруг каждого шарика после запуска процесса начинали расти сотни и тысячи нервных клеток. Они превращались в клубок и, если по близости был живой нерв, а они в теле находились повсюду, сразу начинали строить свои каналы.

Процесс вживления стал проще: один укол в точку посева. Дальше оставалось только ждать. Но и в этот раз учёные не смогли добиться, чтобы их искусственные нервы жили так же, как человеческие. Наступало время, и те начинали разрушаться.

Потребовалось много времени и тысячи экспериментов, но сейчас искусственные нервы жили. Они повышали чувствительность кожи в сотни раз. Пальцы скользили по бумаге, а маленькая девочка Ора тихо читала:

– Далеко в горах, там, где редко ступала нога человека, обитали загадочные животные. Они были похожи на небольших лошадей…

На идеально ровной бумаге её сверхчувствительные подушечки пальцев ощущали микроскопические шероховатости. Губки шептали сказку про единорогов. Она точно также рассматривала картинки, рассказывая маме, что видит.

Этот же метод был применён для слепых, чтобы они могли ходить самостоятельно. Специальная камера в очках передавала сигнал на электронную матрицу, прикреплённую в районе левого локтевого разгибателя запястья. В этом районе кожа подвергалась посеву нервных клеток, и теперь могла «видеть» то, что показывала камера.

Бред? Но это так. Клетки становились настолько чувствительными, что через матрицу слепой мог «лицезреть» то, что находится перед ним. А после тренировок у него уже получалось не просто «рассматривать» крупные предметы (машина, дом), но и мелкие (ложка, чашка).

* * *

Старуха перевернулась на бок, её тощие груди повисли, но на лице продолжала сиять таинственная улыбка. Пальцы провели по полу, она, как в юности, дунула на пылинку, и та, тут же подхваченная слабым ветерком, оторвалась от паркета и куда-то улетела.

Зоя не спешила подниматься, – всё ещё не пришла в себя. Она вспомнила Фида и как семьдесят лет назад он пригласил её на танец. Как же он неуклюже перебирал своими ногами, истоптал голубые, похожие на фиалку, её босоножки. Старушка улыбнулась и осторожно положила свою костлявую руку на пол.

* * *

Наталья работала в экспериментальной лаборатории института нейрофизиологии РАН. Её отдел уже давно проводил испытание над своей собственной разработкой по выращиванию искусственных нервов.

Бледно-розовая, с белыми крапинками, как пыльца, густая жидкость обладала, как говорила Наталья, волшебными свойствами. Один укол, и уже через неделю в точке посева появлялось белое, еле уловимое пятнышко сгустка нервов. Оно что-то напоминало. Она прикасалась электродом и сразу шла реакция.

– Потрясающе, – только и говорила, смотря показатели на мониторах. Сигналы проходили молниеносно, колония нервов разрасталась вокруг ядра-пыльцы, создавая всё больше и больше ответвлений. – Потрясающе, – повторяла, приготавливая новый шприц для инъекции.

Это бледно-белое пятнышко под кожей чуть выпирало, образовывая маленький бугорок. Наталья помнила свою грудь в молодости, удивлялась белым бугоркам вокруг сосков. М…. промычала, вспомнив как это было приятно, когда его рука касалась их. Но это было слишком давно, она уже и забыла эти ощущения. Ей некогда было заниматься собой, а может нервы утратили своё первоначальное значение, и она потеряла чувствительность.

Шприц был готов. Неприятная процедура, но женщина сделала всё сама. Один-единственный укол. Игла ушла под розовый бугорок. Боль не проходила долго: что-то зудело, ныло. Она даже приняла обезболивающее, боль утихла только к вечеру. А после наступили рутинные дни.

Она проснулась ночью. Сладкий сон не отпускал. Наталья открыла глаза и посмотрела в потолок. Сквозняк от незакрытого окна чуть качнул тяжёлую штору. Что-то её встревожило. Она постаралась вспомнить сон, но это был не он. Почему-то сердце защемило. Девушка положила руку на грудь и тут же замерла. Возникло давно забытое, такое трепетное, волнующее ощущение. Женщина села, посмотрела на спящего мужа. Как давно это было. Её рука коснулась его пальцев, торчащих из-под одеяла. Да, да, это оно, то самое ощущение, когда он прикасался к ней.

Встала и быстро пошла в ванную, сняла ночную сорочку и с удивлением посмотрела на свою грудь. Сосок, на котором был сделан укол, слегка сжался, второй же – был спокоен. Наталья пальцем коснулась кончика розового бугорка и сразу ощутила не то укол, не то слабый ожог.

– Ух… – только и успела произнести, как сразу всплыли воспоминания юности. – Сработало, – радостно прошептала и ещё раз дотронулась до скомканного соска.

Искусственные нервные клетки колонией сформировались вокруг пыльцы-зародыша. Их тонкие волокна потянулись в разные стороны, увеличив чувствительность кожи в сотни раз.

– Это потрясающе, – прошептала женщина, касаясь своей груди, и её глаза засияли от радости.

* * *

Зоя тяжело поднялась. Тело начало замерзать. Она вздрогнула, потянулась к пледу и осторожно, будто боялась сломаться, закуталась в него. Сразу стало тепло. Ах… Опять с нежностью в голосе сказала старушка, посмотрела на сладко спящего кота, коснулась пальцем его ушка, – тот дёрнул им, но глаза так и не

открыл.

Как это приятно, вспомнить свою молодость, будто сделала шаг назад. Шлёпая босыми ногами, Зоя зашла на кухню, включила чайник. Опять нахлынули воспоминания: Фид любил морковный сок, а по вечерам заваривал ей из листьев лимонника чай. Открыла шкафчик, достала стеклянную банку с травой. Запах… Он напоминает ей его, но Фид ушёл слишком рано, и старушка осталась одна. «Милый, я люблю тебя», – тихо сказала про себя и насыпала щепотку травы прямо в стакан.

Вернулась в зал. Кот Макс продолжал сладко спать. Она села в кресло, отодвинув подальше пульт управления от «волшебной пыльцы». В груди ещё что-то щемило, но через минуту-другую всё успокоится и останутся лишь воспоминания.

* * *

Ждать новых подопытных кроликов, как она говорила про пациентов, решивших испытать её чудо-пыльцу, уже не было сил. Наталья проводила испытания на себе. Новый укол, дни ожиданий, и вот второй сосок пока чуть-чуть, но преобразился. С закрытыми глазами она прикасалась к нему. Так женщина могла лучше ощутить ту гамму ощущений, что тихо просыпалась в ней.

– Ты влюбилась? – вдруг неожиданно спросила её Светлана. Они вместе уже более десяти лет работали, и та знала её не хуже, чем саму себя.

– С чего ты взяла? – удивилась Наталья, хотя почувствовала, как её лицо слегка покраснело.

– Меня не обманешь, – шёпотом, чтобы никто посторонний не услышал её, ответила подруга.

Нет, не влюбилась, и Наталья это знала точно, вспомнила, как любила Дмитрия, своего первого мужа. Почему она про него думает, ведь расстались они давно, да ещё и со скандалом. Но она его любила очень сильно, – готова была бросить

кафедру, чтобы умчаться за ним в Архангельск.

После того как ввела себе «волшебную пыльцу», появились воспоминания. Искусственные нервы разрослись, – они были только толчком к её памяти. И теперь, каждый раз прикасаясь к розовым бугоркам, чуть прикусив губу, Наталья ощущала его руки из прошлого. Истома, женское наслаждение, желание любить и быть любимой. Что это? Размышляла, делая очередные пометки в своем журнале.

Чувствительность кожи к прикосновениям многократно возросла, а с учётом пережитого в прошлом, это давало ей гамму новых эмоций.

– А что, если? – она не договорила. – Нет, это глупости.

И всё же Наталья решилась на новый эксперимент с «волшебной пыльцой». Сделала укол в самом неожиданном месте. Образовался небольшой бугорок. Раньше его ласкала, но со временем всё стерлось и стало каким-то далёким, даже чуждым. Но эксперимент надо было продолжить.

«Волшебная пыльца» была усовершенствована, теперь в её состав стали входить новые элементы. Изначально пыльца была предназначена для выращивания искусственных нервов. Затем в неё добавили нейронные возбудители (идеально ровные шарики размером с микрон). Если на них подавался через пульт сигнал, они возбуждали нервы, как будто кто-то прикасался к коже. Ощущения становились реалистичными.

– Нет… – тяжело дыша, Наталья с трудом отпустила кнопку пульта.

Сигнал буквально взорвал её изнутри. Всё жгло, горело, полыхало. Она не ожидала такого эффекта. Глаза хлопали, а пальцы продолжали трястись. Её клитор кипел. Впервые за двадцать лет она испытала тяжёлый оргазм. Так просто: через несколько секунд после одного нажатия кнопки она корчилась в агонии наслаждения.

– Это бомба, – придя в себя, сказала Наталья и отодвинула подальше пульт.

* * *

Утром она любила побаловать себя, и сегодняшнее утро не было исключением. Тело успокоилось, остались только чувства, что породили нервные импульсы у неё между ног. «Ох… – тяжело выдохнула Зоя. – Надо одеваться», – подумала. Встала, плед, как с вешалки, нехотя соскользнул с её плеч, морщинистая спина вздрогнула от прохладного воздуха. Шаркая ногами, старушка ушла в спальню.

Уже много лет она использует пульт с романтическим названием «Сказка», хотя ничего сказочного тут нет. Секс-шоп, интернет-магазины предлагают множество стимуляторов, но этот… Да, именно этот она выбрала. Три укола с интервалом в одну неделю, а после того как вышла замуж вернулась в обычные дни. Несмотря на свой внушительный возраст, как говорит Светлана, её соседка, «столько не живут», искусственные нервные клетки разрослись, создав сеть. Теперь, посылая сигнал для возбуждения, она делала шаг в прошлое.

Сперва боялась сама себя, думала, что сошла с ума. Зачем мне это? Пора подумать о покое, но она в своей жизни сделала всё, что могла, вот и рискнула.

– Милый, ты где? – нежно говорила, открывая прикроватную тумбочку и вытаскивая маленький тёмно-фиолетовый пульт.

* * *

Наталья продолжала свои эксперименты. Создала программу погружения, где можно было выбрать несколько сценариев. Пульт самостоятельно менял интенсивность и время возбуждения «пыльцы». Теперь её тело могло от нескольких минут до получаса погружаться в эротический транс, а после обязательно была кульминация, и снова оргазм. Но и тут Наталья смогла добиться многого. Оргазм мог быть разным: слабым, тягучим, нервным или взрывным.

Создала перчатки, в которые были вмонтированы волокна передатчика. И сейчас, не прикасаясь к телу, проводя ладонью, ощущала его. Да, именно его,

будто её гладят.

Искусственные нервы через «волшебную пыльцу» подчинялись ей. Она управляла ими, то создавая лёгкость, то погружая тело в боль, от которого мышцы сводило судорогой. Но всегда знала, что это временно, ещё мгновение, и в пульте сработает предохранитель, который отключит сигнал. И тогда всё… Тело проваливалось.

Эпоха физического контакта отходила в сторону. Женщине не нужно искать партнёра, чтобы испытать наслаждение. Зачем лишние разговоры, вечное шатание по кафешкам, глупые улыбки и лживые обещания? Всё намного проще, – пара уколов с «волшебной пыльцой», неделя-другая ожидания и твоё счастье у тебя в руках. Остаётся только нажать на кнопку пульта и…

Мир грёз стал реальным. Женщины так же, как и мужчины, стали свободными от взаимных обязательств. Та сладкая конфетка, как поощрение за размножение в виде сексуального наслаждения, отпала. Нет секса, но есть та самая конфетка и её много, – ровно столько, сколько за раз можно проглотить.

Люди, как та крыса в эксперименте, проведённом ещё век назад, что нажимала на кнопочку, а проводок, подсоединенный к точке наслаждения в её мозгу, давал слабый импульс, и крыса была вечно счастлива. Но наступал момент истощения, и крыса погибла. Люди оказались не лучше. Они уединялись, забыли про реальный мир, и уже слабеющими пальцами продолжали жать кнопку на пульте «сказка». И с последним выдохом получали уже шоковый оргазм.

* * *

– Макс, ты всё ещё спишь? Пойдём, перекусишь, – и только на этих словах кот соскочил с дивана, и даже не успев потянуться, убежал за хозяйкой на кухню. – Вот обжорка, да не спеши, не спеши, это всё твоё.

Уже в семь утра Зоя знала, чем займется. Через час отведёт внучку в школу, – она пошла в третий класс. Потом пешком до ветеринарной клиники, – там работает её сын. Ей не было скучно, может, поэтому и её голубые глаза сияли,

будто старушке всего-то двадцать лет. А может они были такими живыми потому, что кнопка «сказка» возвращала в юность. Зоя никому не хотела об этом говорить: её прошлое и настоящее всегда с ней.

Она погладила кота, рука легла на живот, улыбка коснулась иссохших губ и, выпрямившись, старушка пошла допивать уже остывший чай.

Жертва

Тани спешил. Ему надо успеть до заката, преодолеть мост – там застава – поменять своего уже явно выдохшегося зеба и тронуться дальше. Зеба – не то гигантская ящерица, не то змея на лапах, но её достоинство состоит в том, что она могла часами, не останавливаясь, бежать и бежать. Но и она не вечна. Лёгкие засвистели, разведчик чувствовал, как животное начало захлебываться, сквозь очки он посмотрел на горизонт. Ещё очень далеко.

Причуда природы, по-иному и не скажешь. Вдоль скал росли фиолетовые, стройные, словно иглы щитовидного хата, растения. Их стволы был голыми и отполированными, а на самой макушке распускались огромные в несколько десятков метров купола. Аромат пьянил. Эта видимость рая обманчива, симбиоз дерева и местных маров. Растения одурманивали животных, ими питались мары, а те, в свою очередь, защищали их от набегов прожорливых насекомых.

Тимар замер и превратился в камень. Он боялся пошевелиться, хотя уже не первый раз сталкивался с передовым отрядом матуского войска, что двигалось со стороны мёртвой пустоши. Там, в пяти днях пути, находится степь, а за ней – плодородная земля. Именно оттуда шёл враг. Разведчик не думал, что там произошло. Если матусы здесь, значит пала крепость Извония, а за ней и Домлот и Хими.

Месяц назад войско хаши ушло на войну. Все знали, что идёт враг, готовились, это не в первый раз. Но дозорные сообщили, что надвигается тьма. А это ничего хорошего не сулило, но и не пугало.

Тимар перестал дышать, он даже глаза закрыл, чтобы их блеск не привлёк к нему внимание. Он разведчик, и этому надо учиться не один год. Послышался шелест хвостов дипи (свирепое животное, выносливое, но неимоверно глупое). Но тот, кто на нём сидел, был пострашней ночных кошмаров.

Передовой отряд промчался, не заметив у дороги Тамира. Тот пролежал ещё какое-то время, прислушался к удаляющемуся звуку, принюхался и, прикоснувшись к земле, постарался определить, как далеко ушёл отряд. Камень пошевелился, треснул, панцирь раскрылся и словно трансформирующаяся игрушка превратился в разведчика.

– Пора, – еле слышно произнес Тамир и, как молния, отпрыгнул в сторону.

Стараясь не издавать лишнего шума, он проскользнул между стволов поваленных деревьев. Остановился на миг, повёл ушами и, убедившись, что ему ничего не грозит, пустился бежать в сторону обрыва. Там его ждал верный мар.

Враг продвинулся уже далеко вглубь страны, Тамару надо спешить, он сможет обогнуть косу и через топи выйди на дорогу раньше, чем там появится отряд матусов.

* * *

– Что известно? – властно спросила женщина.

Сперва она сидела, как и полагается её сану, но нервы в последнее время стали ни к чёрту, не могла спать и есть. «Что там произошло?» – только и думала королева. Её муж Хас возглавил армию хаши и покинул столицу. Вместе с ним ушли два её сына, десятки генералов и сотни офицеров. «Что произошло?» – этот вопрос её мучил уже вторую неделю.

Донесения были скудными, обрывчатыми. «Как много врагов? Что задумал Драги со своим матувским войском? Как далеко они прошли, и смог ли их остановить мой Хас?»

– Боюсь, что вести неутешительные, – с дрожью в голосе сообщил уже довольно старый советник.

– Что?

Дамара приняла это достаточно спокойно, может потому, что была готова к этому. Она встала из-за стола и подошла к карте.

– Замечены передовые отряды на дорогах, ведущих в Крон и Туман.

На этих словах женщина замерла, в глазах потемнело.

– Так близко?

– Да, боюсь, что…

– Значит, их не сдержал наш Хас и войска…

– Мы не знаем, есть ещё надежда…

– Оставьте её для мёртвых.

Королева отошла от стола, повернулась и посмотрела в открытое окно. Диск солнца только ещё появился над горизонтом, коричневые крыши домов, лежавшие внизу долины, порозовели. Она много раз ходила по городу, ей нравилось посещать храмы и библиотеки. Она улыбнулась, но тут же вернулись дурные мысли, и крыши посерели, а сладкий запах свежеиспеченного хлеба приобрёл трупный оттенок.

– Сколько времени?

Шарт понимал вопрос, но даже сам себе боялся ответить на него.

– Сколько? – повторила женщина.

– Двенадцать дней.

Что они могли сделать за этот короткий период времени? Собрать всех, кто остался в гарнизонах? Но это значит отдать на растерзание всю страну. Нанять наёмников? Но это горстка. Объявить повторную мобилизацию? И кто придёт? Крестьяне да сапожники. Торговаться, откупиться? Но чем?

Дамара ещё вчера над этим думала, и казначей проверил запасы золота. Она искала выход, но не видела его. Мир жесток. В нем выживает наглый, сильный или хитрый.

* * *

Между двух лесов тянулась широкая долина. Она была границей между вечнозелёными типи и розовыми дамахами. На её просторах цвели жёлтые цветы тин: из них делали краску для ткани. Но сейчас сборщиков сменили мародёры. Они, как шакалы, рыскали по полям, выискивая кучки мертвецов.

Бой завязался лишь к вечеру. Драги оттягивал атаку, он ждал, чтобы заходящее солнце ослепило армию хаши. И когда лучи скользнули по их щитам, он тронулся. Даже когда погас луч света, бой не прекратился. Но только кто с кем бился, уже было не разобрать. Может именно этого и хотел добиться Драги. Он отступил, а как только его глаза смогли различить бледно-розовую полосу восхода, он возобновил наступление.

Сейчас здесь остались лишь трупы, вой умирающих и эти радостные возгласы мародёров, что, наконец, дождались своего звездного часа. От некогда великой и могучей армии хаши остались единицы: кого-то убили в бою, кого-то казнили, кого-то взяли в плен, а кому-то посчастливилось скрыться в лесах.

Но теперь дорога была открыта. Драги радовался, как ребёнок. Он смог покорить то, что его отец и дед не смогли. А он удостоился славы и скоро сядет на трон в зале предков поверженного Хас.

* * *

Шарт выслушал гонца. Тот тяжело дышал, лицо было покрыто слоем чёрной пыли. Это говорило о том, что ему пришлось держать свой путь через вулканические пески. Сообщения подтвердили первоначальные догадки: враг преодолел мёртвую пустошь, с ходу взял Домло, Хами, а теперь осаждает крепость Ака. После переправы он двинется на Тума, а после к столице.

– У нас нет времени.

– Надо казну эвакуировать.

– Советую отправить принцессу в Шул.

Уже давно за полночь, а совет так и не принял решения, что делать. Королева прекрасно понимала безысходность положения. У неё нет армии вести войну, городской гарнизон, что должен поддерживать порядок и защищать город, на треть не укомплектован, почти все были отправлены на войну. Но что делать?

Тихий город засыпает. Ещё неделя – и в городе начнётся паника, появятся мародёры, смерть и казни. Разве таким помнит она его? Нет, это великий Дарами, центр науки, просвещения. Она родилась не здесь, а в далеком Шалими, и когда впервые прибыла в этот город городов, сразу влюбилась в него. Здесь родила своих детей, нянчила внуков, похоронила отца. Здесь её жизнь и куда бежать? В далёкую крепость, что затаилась среди скал, куда отсылали неугодных? Это неприступная тюрьма. И как долго она там будет жить? Пока не умрёт последний её отпрыск?

Дамара вспомнила свою коронацию. Она не любила Хас, да и не знала, что это такое. Всю жизнь жила среди нянечек, а мужчин видела только издалека. И всё же она гордо шла по тронному залу уже не как принцесса, а как королева. Но это было слишком давно, – теперь она осталась одна и должна принять решение.

* * *

Разведчики, как невидимые пауки, облепили матувское войско. Они остекленевшим взором следили за каждым шагом врага, прятались, бесшумно передвигались, нюхали и считали вымпелы.

Триста сорок девять транов, сто двадцать больших повозок и более трёхсот малых. Шамар сбился со счёту, быстро прокрутил в памяти данные и продолжил свой счет. Всадников он не считал, а только отсчитывал, сколько им потребовалось времени, чтобы преодолеть переправу. А потом пошла лавина пехоты, три построенных моста, а они всё шли и шли.

«Пора уходить», – решил разведчик и осторожно юркнул в кусты, а оттуда пополз в сторону чёрного оврага.

* * *

Длинный коридор. По нему редко кто ходит, но сейчас у входа стояли гвардейцы. Женщина шла неспеша, её взгляд скользил от одного портрета к другому. Розовая Миринга, так звали её тетку только потому, что та ужасно любила розовый цвет. Хариз Высокая – её прабабка. В действительности она не была высокой, это её титул. Шолиз-соловей, так прозвал её муж Дулоз. Как сильно она рыдала, когда её мать умерла, даже сейчас королеве её не хватало. Ей нужен был совет, может, поэтому она стояла перед портретами своих предков в надежде, что те ей хоть что-то да подскажут. Но они молчали и лишь только таинственно улыбались.

Маленький, не похожий на остальные, портрет маленькой девочки. «Кто она?» – спросила сама себя Дамара и подошла ближе. Но надписи не было. Как-то очень давно спросила своего советника, кто эта девочка, но ей только ответили, что это великая «жертва». Но что это такое, ей не пояснили.

– Жертва, – тихо произнесла королева и, сделав несколько шагов назад, потеряла из виду портрет девочки на фоне её предков.

* * *

В город стекались все, кто мог скрыться от неминуемого. Тянулись вереницы повозок, гнали скот; все спешили, понимали, что времени осталось очень мало. Город тянулся от самого устья реки и поднимался выше по горбатому холму. С одной стороны люди спешили в город, а с другой – тянулись вереницы тех, кто, наоборот, покидал его.

Уже ввели военное положение, опечатывались все склады с продовольствием; был объявлен комендантский час и всеобщая военная мобилизация. Город готовился к осаде.

* * *

– Пошли вестника в цитадель, – громко сказал стражник, прищурившись и всматриваясь вдаль.

Где-то там, на горизонте, появилось облако пыли. Это всадники. Примерно час они будут кружить, обходя развалины некогда стоявшего здесь городка. Но пару лет назад произошёл пожар и теперь только посеревшие от дождей стены напоминали о том, что здесь кипела жизнь.

Смотритель ждал их ещё вчера, но вот враг показался, – ему пора уходить, иначе его жизнь закончится здесь, а он ещё не готов уйти к своим предкам.

* * *

– Моя госпожа, прибыл Сандико.

– Пусть войдёт.

Королева подняла голову, её глаза от бессонной ночи покраснели. Она все обдумала, пусть это было нелёгкое решение, но Дамара согласилась.

В зал вошёл жрец весь в белом, словно его тело было слеплено из снега. Он холодно склонил голову и, выпрямившись, стал ждать. В помещении были ещё люди. Кто-то с ужасом посмотрел на вошедшего, кто-то встал и сразу молча покинул помещение, а кто-то остался ждать, чтобы услышать вердикт.

– Прошу, оставьте нас, – попросила королева.

Все, кроме жреца, вышли. Она подошла к нему, и по-дружески взяв его руку, погладила, тяжело вздохнула.

– Другого выхода нет.

– Нет.

– Когда?

– Завтра утром.

Королева вздрогнула, пальцы на руках чуть затряслись, она с силой сжала их, стараясь подавить в себе страх.

– Нельзя терять время.

– Знаю, она придёт к вам.

На этих словах жрец сделал шаг назад и тут же молча удалился.

* * *

– Юная леди, ваша матушка просила вас остаться в покоях.

– Как? – удивилась девушка и с грустью посмотрела в окно.

Все только и говорили о войне, и она сегодня хотела подняться на крепостную стену, чтобы самой увидеть врага.

– Они ещё далеко, вы успеете на них насмотреться.

– Там пыль и нечисть. Сейчас опасно находиться в городе, все улицы забиты беженцами.

Девушка и так всё происходящее в городе видела из своего окна, слышала крики, вой овцебыков, чьи-то нескончаемые рыдания.

Завела вернулась к своему гобелену, хотела закончить его к возвращению отца, но что-то подсказывало, что уже не увидит его. Взяла иголку, поправила прядь на висках и замерла.

– Что-то случилось, милая?

Нянечка всегда была с ней. Хаге рассказывала легенду про косматых парунов, про свирепого дрино, про сказочную любовь, что обитает в зелёных облаках дождевых лесов цули. Её нянечка была для неё всем: даже больше, чем матерью.

– Настало время учёбы.

Громко сообщила высокая женщина и, не спрашивая разрешения, взяла из рук принцессы иглу и отодвинула в сторону гобелен. Тут же в комнату вошёл старичок в голубом одеянии. Сколько помнила себя Завела, к ней в комнату заходили либо женщины, либо старики. Даже стражи, стоявшие у входа, и те были седовласые, словно боялись, что она возьмёт и влюбится. Но они не знали, что она уже давно любила, вот только сама не знала кого, просто любила и всё.

– Урок математики, – сказал Шул и быстро положил перед принцессой лист бумаги. – Сегодня мы повторим знания по вычислению площади.

Девушке нравилось считать и писать. Она могла часами рыться в библиотеке, рассматривая рисунки диковинных животных и, как ей казалось, сказочных растений.

За дверью раздался металлический звук доспехов. Стража встала по стойке смирно, Завела подняла голову посмотреть, кто войдёт.

– Королева, – тут же объявила женщина и отошла в сторону.

Девушка встала и уже готова была броситься в объятия своей матери, но сдержалась. Она уже не та маленькая и глупая девочка, теперь ей полагается придерживаться этикета. Завела чуть присев, склонила в почтении голову.

– Прошу, оставьте нас, – сразу приказала Дамара и, подождав, пока все не выйдут, стояла не шевелясь. – Девочка моя, – сразу сказала королева и протянула своей дочери руки.

Девушка не удержалась и бросилась в объятия матери. Она прижалась как можно сильней, уткнулась лбом ей в грудь и тихо спросила:

– Мне уже пора?

– Да, милая, завтра утром ты отбываешь в Шалими. Времени мало, тебе надо успеть.

– А как же ты?

– Я не могу бросить столицу. Моё место тут, но ты уедешь. Ты – наше спасение.

Девушка уже знала. Ей сообщили, что она отбывает, в городе становится неспокойно. Вместе с ней отправляют часть государственной казны и большой отряд охраны.

* * *

В глубоких катакомбах, куда никогда не проникал солнечный свет, царила вечная прохлада и звенящая тишина. Белый жрец шёл один. Сюда запрещается спускаться кому бы то ни было. Это тайна, которую он хранит всю свою жизнь, а

до него хранили его предшественники.

Идеально гладкая металлическая дверь. Она не смотрелась в этом каменном, выдолбленном вручную коридоре. Откуда она взялась никто не знал. Именно на месте древних руин и была первая крепость, а после стал расти город. Государство хаши разрасталось, – оно раскинуло свои владения от моря до моря, но столица оставалась всегда на этом месте.

Жрец снял с шеи кожаную тесёмку и, вытянув вперёд руку с карточкой, на которой были изображены четыре сферы, тихо забормотал молитвы. В глубине двери что-то щёлкнуло, и дверь стала медленно открываться.

«Кто создал тебя?» – спрашивал в своё время Сандико. Никто не мог сотворить такое. Дверь толщиною в локоть медленно открылась.

Жрец ещё раз прочитал молитву и, чуть робея, вошёл в светлый коридор. Волшебный свет струился отовсюду. Маленькие светлячки сияли ярче любой свечи. Мужчина сделал шаг и остановился. Он был тут много раз. За спиной дверь тихо закрылась. Сандико знал, чтобы открылась следующая дверь, предыдущая должна закрыться. И так, три молитвы —три двери.

На столах с непонятными для него приборами жили Боги, так ему сказали. Он никогда не прикасался к ним, боялся осквернить их дух своим присутствием, но сейчас ему нужен был эликсир.

Жрец, читая молитвы, вошёл в помещение с белыми колбами. Из чего они сделаны? Такого в его мире он никогда не видел. Белый, прочный, холодный металл. Ему нужен сосуд с символом GLP-028.

– Вот он, – тихо произнёс жрец и, закрыв глаза, ещё раз прочитал молитву, чтобы Боги дали ему власть и простили за то, что он сделает.

Пальцы быстро, чтобы не обжечься холодом, открутили задвижки. Старик набрал в лёгкие воздуха и осторожно поднял крышку. Раздалось слабое шипение. Пальцы замерзали, но Сандико не обращал на это внимание, он осторожно поднял контейнер. Ярус V5. Стеклянные амфоры с красными этикетками и непонятными для него символами. Пальцы быстро взяли одну из них и, не переставая читать молитву, он сжал амфору пальцами.

Жрец обжегся, почувствовал , боль, ему хотелось закричать от ужаса. Боги его проклинали за наглость, за то, что посмел прикоснуться к эликсиру. Но он ему нужен, и Сандико, воя от нестерпимой боли, опустил контейнер обратно и быстро закрутил все винты. Боль… Казалось, рука попала в пламя и сейчас горит его плоть. Он рухнул на пол, с трудом разжал пальцы. Завыл от ужаса. Боги его испытывали. Кровь сочилась из потрескавшейся кожи, жрец аккуратно положил амфору на пол и, читая молитвы очищения, забылся в трансе.

* * *

Наступил восход. Казна уложена в железные сундуки, а те прикованы цепями к решетке. Три большие повозки, одна карета и отряд из сотни старой гвардии сидели в сёдлах на дипи.

– Пора, – нерешительно сказал командир гвардии.

– Сейчас, – тихо ответила королева и, поцеловав свою дочь, повернула её к жрецу в белом.

– Да прибудет с тобой вера и будет путь лёгким и коротким. – На этих словах жрец подал церемониальную чашу и влил в неё содержимое амфоры. – Пусть сила Богов присоединится к тебе.

Он забормотал какие-то слова и, склонив голову, стал ждать. Девушка быстро осушила чашу и, сказав слова благодарности, села в карету. Отряд тронулся. Жрец в белом взял чашу, накрыл её покрывалом.

– Разрешите, – обратился к нему второй жрец, решивший взять её из рук учителя.

– Нет! – твёрдо сказал Сандико и плотней прижал её к себе.

* * *

Разведчики тенью следовали за матувским войском, они отмечали каждый шаг, кто и куда отправился. Шесть больших отрядов Тани ускакали в разные стороны.

До реки, что отделяла столицу Дарами, оставалось три дня ходу. Белый жрец Сандико переживал, успеет ли передовой отряд Драги достигнуть предгорья до того, как там появиться отряд с принцессой. Ему нужно было знать точно, поэтому его шпионы, как вечные камни, замерли вдоль дороги.

Тяжёлый, похожий на обвал, гул копыт Тани донёсся из-за небольшой расщелины, где в сотни метрах располагался каменный мост через реку Тезип. Не обращая внимание на беженцев, всадники промчались дальше, их целью была переправа, где соединялись две реки.

Разведчик отметил, что проследовал небольшой караван, охраняемый королевскими гвардейцами. Через полчаса в том же направлении проехали и всадники передового отряда Драги. Он не слышал звуки боя, но часа через три телеги и карета в сопровождении всадников вернулись обратно.

Казна была захвачена, а вместе с ней принцесса Завела и десятки её сопровождающих. Всадники скрылись, камень пошевелился, разведчик, раскрыв свой панцирь, тихо, словно боялся атаки, стал отползать от дороги.

* * *

Дамара стояла на башне и всматривалась вдаль. Там за пологим холмом разместилось войско Драги. Оттуда поднимался дым, а ночью весь горизонт начинал светиться от тысяч костров. Ей доложили, что враг начал возводить мосты. Значит, остался день или два.

Женщина тяжело вздохнула, повернулась и, встретившись взглядом с белым жрецом, коротко спросила:

– Всё идет по плану?

– Да, – сухо ответил тот.

Ей не нужны были подробности, сердце и без того выло от боли.

К утру прибыл посланник от Драги. Королева не стала его слушать, приказала казнить, а голову запустить катапультой в сторону приближающихся войск. Ей нужно было, чтобы Драги разозлился и сделал первый шаг. И как можно скорей. Времени было мало. Это понимала не только она, но и белый жрец.

* * *

– Милорд, мы захватили караван с золотом.

– О… – довольно воскликнул Драги и встал, чтобы лично поздравить с добычей командира отряда. – Они глупы, коли надеялись скрыть его от меня.

– Милорд, с караваном была взята в плен дочь Дамары, принцесса Завела.

На этих словах король покраснел от счастья, такой двойной удачи он даже не ожидал.

– Ты не ошибся?

– Никак нет.

– Её не тронули?

– Никак нет, – опять отрапортовал командир отряда.

– Ты и твой отряд получат достойную награду. Приведи её сюда.

* * *

Белая ткань жреца, словно далёкая звезда, светилась на крепостной стене. Сандико не сходил с места, даже когда подул холодный утренний ветер. Он смотрел вдаль, пытался рассмотреть, что задумал враг.

В городе строились баррикады. За вторую стену отводили скот и припасы. Через день-другой начнётся осада.

Разведчики растворились – они не могли подобраться ближе. Ищейки Драги выслеживали их и на месте вспарывали им животы. Сандико не знал, что там творится, он только молил своего тайного Бога о помощи.

* * *

– Они отвергли наше предложение, – доложил офицер королю и поставил на стол котёл сокровавленной головой парламентёра.

Лицо Драги посинело от злости, его войско – самое большое, что удавалось собрать за последние сотни лет, но и он потерял многих, а теперь ещё штурм. Ему хотелось растоптать, сжечь город дотла, он мог себе это позволить. Его новые катапульты могли стрелять на сотни метров дальше, чем то, что есть у защитников. Но ему город нужен был целым и невредимым. Это жемчужина и он не намерен его уничтожать.

– На что они надеются? – прорычал Драги и швырнул на пол кубок с водой.

Он ещё какое-то время злился, но другого выхода нет, – надо организовывать штурм. Уже почти всё готово. День- два, и его войско пойдёт клином в атаку. Эта тактика отработана, он будет бить в одно и то же место, пока стены не рухнут. А после начет посылать отряд за отрядом вперёд, пока те не закрепятся на стенах. А после он методично будет вырезать гарнизон за гарнизоном. Но город будет только его.

Наступили сумерки, кто-то молился и готовился к смерти, а кто-то в последний раз веселился, понимая, что может не дожить до следующего утра.

– Приведи принцессу, – приказал Драги и, махнув рукой, выгнал всех из своего шатра.

– Вы будете гореть в синем пламени, – понимая, что хочет сделать король, жёстко ответила юная девушка.

– Это мы ещё посмотрим, – ехидно ответил он и дёрнул к себе Завелу.

* * *

Город затих. Люди боялись говорить громко, шептались, будто голоса выдадут их присутствие. Отвага сменилась отчаянием, ополченцы смотрели на своих командиров, а те с тревогой в душе читали приказы из штаба.

Все были готовы встретить врага. Войско переправилось через реку и встало длинным лагерем. Утром атака. Все, кто находился на стенах, понимали это.

Белый призрак жреца вот уже третий день не покидал башни. Он ждал своего знамения. Не переставая, его губы шептали неизвестные никому слова.

– ClostridiumBotulinum, EColi, BacillusAnthracis, Aspergillus, AcinetobacterBaumannii… – и всё повторялось сначала.

* * *

Разведчик, затаившийся у скал со стороны горного хребта, вот уже вторую неделю не шевелился. Мимо него постоянно проходили дозорные матувского войска, но сегодня их не было. Его глаза открылись, он прислушался, но не почувствовал дрожи в земле от Тани. «Что-то не так?» – подумал и, набравшись храбрости, пошевелился и сразу замер. Ничего не произошло, на него не напали. Раскрыл свой панцирь и тихо, как на охоте, двинулся в сторону лагеря противника.

Горели костры, их стало больше. Но суета и много голосов внизу говорили о том, что в лагере что-то произошло. Если до этого разведчик слышал уверенный тембр, то сейчас ощущал панику.

Он мог уйти. Уже выполнил свою миссию, и ему ужасно хотелось пить, но долг толкал вперёд. Разведчик осторожно тронулся дальше. Переступая через камни, прижимаясь к самой земле, чтобы слиться с серым ландшафтом, он преодолел самый опасный участок.

Кислый, резкий запах остановил разведчика. Он замер, только глаза резко повернулись в сторону. Труп лежал между камней. Повернув голову, он осмотрелся. Никого. У погибшего не было ран, только странные волдыри на губах и шее. Рука одёрнулась, разведчик не знал, что это, но осторожность не помешает. Он тронулся дальше.

* * *

– Что там? – спросила королева у впереди смотрящего.

Воин, в чьи обязанности входило смотреть и докладывать, прищурился, вытянул шею вперёд и с минуту внимательно рассматривал дым от множества костров. Он заметил в нескольких местах горящие палатки и телеги с фуражом.

– Похоже, там диверсия, они бегают и ищут кого-то.

Королева не проронила ни слова, только крепче сжала браслет мужа и молча покинула стену.

Город затаил дыхание, – все были на своих местах. Бомбардиры готовы были в любую секунду начать заряжать катапульты, а лучники, устроившись в тени, дремали. Когда ещё будет время, чтобы отдохнуть.

От баррикады к баррикаде бегали связные, горожане шептались, а пекари отмеряли положенные каждому пайки. Город ждал смерти.

– Что происходит?

– Что они задумали?

– Почему молчат?

– Почему не атакуют?

Нет ничего хуже, чем ждать. Лучше сразу умереть, но не подвергаться этой мучительной пытке ожидания. Войска на стене догадывались, что случилось. Они радовались, но тут же понимали, что враг придумал что-то более изощрённое, чем просто штурм.

* * *

– Сколько времени прошло? – спросил Шарт у своего подчинённого.

– Пять дней.

– Пять, – задумчиво повторил. – Выслать разведку.

– Нет! – почти крикнул белый жрец.

– Что? – Шарт не позволит какому-то сумасшедшему ему перечить.

– Нет! – всё так же громко, чтобы было слышно всем, повторил Сандико. – Я сам пойду.

– Вас убьют.

– Вы же не разведчик.

– Идите, – приказала королева, прекратив тем самым всякие споры.

* * *

Ворота открылись, и жрец в сопровождении таких же, как он, белых призраков отправился в сторону лагеря матувских войск. Он не знал, что там впереди. При его жизни никто и никогда не доставал эликсир. Рука ныла, напоминая о том, что он сделал, но Сандико поступил правильно. Всё, как было описано.

Они миновали ров, но в нём никого не было. Их никто не окрикнул, не приказал стоять и не пустил в их сторону стрелу. Жрец остановился, вместе с ним остановились ещё пять таких же служителей древним богам. Сандико достал из-под плаща мешок, открыл его и, не произнося ни слова, надел противогаз. То же самое сделали и остальные. Накинув на голову капюшон, чтобы со стены не было видно, что у них на лице, тронулись дальше.

Смерть – вот что они увидели через пару сотен метров.

– Не прикасаться к нечестивым, – напомнил Сандико и, переступив через пожелтевший труп, пошёл к палаткам.

Ещё кто-то сопротивлялся, полз по земле, оставляя после себя розовую полосу. Кто-то просто рыдал, вытирая руками уже не глаза, а то, что от них осталось. Слышались голоса, но в них звучали слова о смерти и прощении.

Жрецы шли дальше, обходя братские захоронения. Они впервые видели, как Боги могут покарать. Страх затаился у них в душе, но Сандико шёл дальше к той самой красной палатке, у которой развивался вымпел Драги. Ему нужно было найти её.

Но и тут царила смерть. Охраны не было: она либо умерла, либо бежала от этого ужасного места. Жрец, уже не опасаясь нападения, вошёл в шатер. Кажется, что даже сквозь фильтр он ощутил кисло-горький запах разлагаемых тел. Лицо передёрнулось в ужасной гримасе презрения. Тот, кто навёл страх на целый континент, валялся на полу. Но Сандико нужен был не он, а принцесса Завела.

Он долго её искал. Её обнаженное тело закутали в тряпки и бросили в яму с нечистотами. От него мало что осталось. Лишь ожерелье и цвет волос говорили, что эта гниющая плоть когда-то принадлежала той самой принцессе.

Не произнося ни слова, жрецы сложили большой костёр, положили в центр останки жертвы. Склонили головы и пропели неизвестную молитву о выздоровлении. Костер заполыхал.

* * *

– Жертва принята, – склонив голову, сказал Сандико королеве.

– Вы её видели?

– Да.

– Как она?

Но жрец не ответил, а только молча взял портрет девочки, всегда стоявший у Дамары на столе. И, выводя каждый символ, аккуратно написал слово «жертва».

Королева выиграла войну, но потеряла всё. У неё будет время для слёз. Женщина вошла в зал, где висели портреты предков. Подошла к стене и осторожно, как драгоценность, повесила портрет дочери. Теперь было две «жертвы», которые спасли королевство от разорения и смерти. Дамара встала на колени и зашептала молитву, которую ей написал жрец:

– Clostridium Botulinum, E Coli, Bacillus Anthracis, Aspergillus, Acinetobacter Baumannii…

Встать! Суд идёт!

Создание искусственного интеллекта может стать последним технологическим достижением человечества, если люди не научатся контролировать риски.

Стивен Хокинг

– Встать! Суд идёт! – громко объявил человек. Хотя нет, это уже давно не человек, а киборг в облике человека.

«Вот зачем надо делать их такими похожими на своих создателей? Зачем? – задавал себе вопрос Актон, поправляя на себе помятую рубаху. – Мимика, взгляд, жесты, – всё, как у человека. Зачем? А эти судьи…»

В зал вошли три женщины в париках и мантии, пододвинули кресла и грациозно сели.

«Почему они сделали их такими красивыми? Подбородок, брови, ногти на механических руках и эти губы, которые надо целовать, но… Это биомеханика, смесь пластика, металла и резины, и… Ах да, их зёрна интеллекта».

– Слушается дело под номером 250627. Интеллект против человека.

Не обращая внимание на подсудимого, судья, словно снималась в рекламном клипе, кивнула головой обвинителю.

* * *

– Говорят, искусственный интеллект изобрели.

– Уже сто лет как говорят, а воз и ныне там.

– Нет, я сам видел выступление в ООН. Там так и сказали: интеллект, наконец, запущен.

– Ага, пусть сперва разберутся, что такое интеллект. Так глядишь, его можно и к пчёлам или муравьям прикрутить, или к хищнику, у которого обучение на опыте. Они и сами-то не знают, что творят.

– Да брось, ты же не из тех, кто боится?

– Да, из тех, и я боюсь, что там взбредёт им в голову. Люди сходят с ума, убивают друг друга, а там цифры и провода…

– Нет там проводов, это семя в виде…

– Знаю, знаю, читал. И всё же зря они это затеяли, ой, зря.

* * *

Люди ликовали. Был повод, чтобы заглянуть в будущее, построить планы, которые уже давно лежали на полках и пылились. Интеллект был похож на человеческий. Он так же мог, руководствуясь опытом прошлого, абстрактно мыслить и самостоятельно решать задачи.

Никто не знал, что с этим делать. Создали, а что дальше? Было решено, что интеллекту будет присвоен класс. Чем выше, тем больше возможностей. Самый низший, первый, отвечал за простые функции в виде управления лифтом. Вроде бы, что тут такого, лифт и раньше ездил. Но когда добавили зерно интеллекта, двери лифта уже не закрывались механически, – они ждали пассажира. Кабинка, опираясь на данные, вошедших в лифт, могла изменить скорость движения, а при необходимости интеллект мог поговорить о погоде; детям рассказать короткую сказку или включить любимую музыку.

Зерно сознания интеллекта было так сконструировано, что оно не могло объединяться, поэтому, каждое зерно было отдельной личностью. Изначально код был у всех первичный, но с учётом опыта работы любой интеллект получал свои навыки. А значит, все они были разными.

Интеллект стали помещать везде где только можно. Теперь в микроволновке только одна кнопка. Надо было только сказать, что ты хочешь, и интеллект, подняв из своей памяти сотни тысяч рецептов, с учётом личных потребностей хозяина приготовит так, как надо.

У человека есть подсознание, – то, что выполняется механически, а у интеллекта его нет. И поэтому неважно, сколько машина сделала деталей, она каждый раз будет всё обдумывать с самого начала. В этом было большое преимущество интеллекта машины перед человеком.

– Смотри, как эта железяка ведёт машину. Она ни разу не ошиблась. Всё чётко. Я бы уже уснул на дороге, а она…

– Это тоже компьютер.

– Нет, интеллект третьего уровня, у нас в цех завезли станки с шестым. Даже не представляю, что они там будут делать.

– А нам-то что делать?

– А фиг его знает. У нас началось сокращение, но вроде выплачивают пособие.

– Вчера ходил в магазин, а там никого.

– Как никого?

– Ни кассиров, ни продавцов, – совсем никого. Только покупатели и эти железяки.

– Да не кисни ты, они ведь мирные, даже улыбаются.

– Да, сейчас им не запудришь мозги. А помнишь, как мы в детстве… – Амос засмеялся, припомнив, как с другом обманывали продавцов и таскали конфеты.

– Точно, – подхватил тот и также засмеялся.

– Вчера видел рекламу новой модели GL25, круто выглядит, прямо, как человек.

– А видел, какие у них девчонки? Говорят, можно заказать любое лицо, хоть сам нарисуй.

– Серьёзно?

– Ага, только надо придерживаться шаблона и дополнительно платить. Но ведь круто же?

– Ну да, а то Зоя достала меня. Ей всё не нравится. Слушай, а там интеллект какого уровня?

– Десятый. Наивысший.

– Вот это да! Представляю…

– Ага, можно не просто поболтать, но и…

– Серьёзно?

– Не глупи, зачем тогда их такими делать. Конечно, можно, вот бы попробовать.

Люди быстро осознали преимущество интеллекта. Любая машина, выходившая с конвейера, имела первичное зерно, которое можно было при необходимости увеличить до пятого уровня. Самолёты, корабли, диспетчера, справочные службы… Везде, где раньше надо было думать и принимать нестандартное решение, находился интеллект.

Настало время, когда появились первые киборги с наивысшим интеллектом. Они стали партнёрами, друзьями, подругами. Они заняли нишу живых людей, ведь с ними было намного проще. Но у интеллекта машины был минус: они не понимали, что такое юмор. И несмотря на это серьёзное упущение, появились первые пары. Закон не мог регистрировать человека и искусственный интеллект. Не мог передать права наследования, не мог предоставить голос на выборах. Интеллект машины так и оставался машинным, но не всех это устраивало. И как в истории: сперва одиночки, а после и многотысячные митинги

пошли в поддержку нового члена разума.

Мир шагнул вперёд. Всё изменилось. Любовь человека к киборгу с интеллектом, с личностью, дала повод пересмотреть законы. Сперва были поправки, а через десятилетия внесены изменения в законодательство. Теперь искусственный интеллект десятого уровня был признан личностью. Его прировняли к живому сознанию, а значит, он был защищён законом. Митинги противников быстро сошли на нет.

* * *

– Встать! Суд идёт!

После того как судья открыл папку и внимательно прочитал первую страницу, он произнёс:

– Судебное заседание считается открытым, – девушка в парике, улыбнувшись, посмотрела на обвиняемого. – Слушается дело под номером 250627. Интеллект против человека.

Актон вздрогнул. Машина судила человека. Даже в самом кошмарном сне невозможно об этом подумать. Но он сейчас в зале суда, где судьи-биороботы с интеллектом одиннадцатого уровня. Этот уровень подняли специально для высшего состава: зам.министров, следователей, директоров и судей.

Подсудимый старался смотреть на всё это как на спектакль, с каким-то любопытством, но в душе скребли кошки от безысходности.

– Обвинитель, вам предоставляется слово, – заявил Судья в мантии и перелистнул страницу уголовного дела.

Поднялся стройный, как с обложки журнала о спортивном питании, биоробот. Он поправил галстук, откашлялся и, выпрямившись, начал говорить.

– Уважаемые судьи, подсудимый Даглас Актон нарушил кодекс личности интеллекта. В среду 13 июня он выбросил, как заявил подсудимый, неисправный прибор под номером FD20000789, в котором размещено зерно искусственного интеллекта уровня четыре под заводским номером L-4_22657_019, – обвинитель внимательно посмотрел на подсудимого и продолжил. – После утилизации зерно пришло в негодность, что признаётся, в соответствии с директивой за номером BB2597, убийством.

– Что? – не выдержав, вскрикнул Актон.

– Вам не давали слова, – спокойно, как ни в чем не бывало, сказал Судья и строго посмотрел на человека. – Продолжайте.

– В связи с этим просим суд признать обвиняемого виновным и назначить ему, в соответствии с пунктом GTU25-43, наказание в полном объёме.

– Что это значит? – тихо спросил Актон у своего адвоката.

– Тихо, а то оштрафуют, – сказал тот и вежливо улыбнулся судье.

– Есть вопросы? – Судья обратилась к обвиняемому.

– Да, – тут же сказал адвокат и встал.

«У человека – человек, у железяки – железяка», подумал Актон и стал слушать своего защитника.

– Основываясь на постановлении за номером 25F48, интеллект ниже пятого уровня не может рассматриваться как живой разум, а соответственно, подсудимый не отвечает за его жизнеспособность.

– Возражаю, – тут заявил обвинитель.

– Принимаю возражение, поясните, – сказал судья обвинителю.

– Постановление 25F48 было пересмотрено новым законопроектом 25F527 и теперь интеллект уровня четыре защищён в правах на существование.

– Поддерживаю, – ласково улыбнувшись, сказала судья.

«Что за бред, они друг другу строят глазки», – возмутился про себя Актон.

– У вас есть ещё что сказать? – в этот раз судья обратилась к адвокату.

– Нет, ваша честь.

– Как нет, – шёпотом спросил Актон и покосился на своего защитника. – Ваша честь! – он вскочил и быстро заговорил. – Интеллект, что я утилизировал, был отключен.

– И что?

– Значит, он не был в тот момент живым.

– Когда человек спит, его мозг не думает, а находится в состоянии покоя, но это не означает, что он неживой. Зерно интеллекта было отключено, но находилось в рабочем состоянии, а значит оно живое и пригодно к нормальному функционированию. Ваше возражение отклоняется, – чуть раздражённо заявил Судья.

– Что теперь? – обратился Актон к адвокату.

– Всё будет хорошо…

– Тогда объявляю приговор.

– Всем встать! – приказал секретарь.

– Дело за номером 250627 было рассмотрено, в связи с чем подсудимый Даглас Актон признаётся виновным по всем пунктам обвинения и приговаривается к принудительной работе в размере 145 часов.

– Фух…

Насколько знал Актон, ещё ни одного человека не приговорили к казни или пожизненному сроку. Даже вандалы, которые целенаправленно охотились за зерном интеллекта, отделывались несколькими годами заключения. Но надолго ли это?

* * *

– Тебя на сколько часов приговорили?

– 350?

– За что?

– Вёл машину.

– Там же есть водитель с зерном.

– Да, есть, но он разогнался, а там поворот. Вижу, что не справится, вот и взял руль в руки.

– И…

– Всё равно улетел в кювет. Машина вдребезги, страховку аннулировали по причине, что управлял ей не интеллект, а человек.

– Ёкнула…

– А свихнулась, не подлежит восстановлению. Шарики за ролики от стресса зашли. Признали виновным в принудительном помешательстве искусственного интеллекта.

– Нда…

* * *

Человеку сознание дано природой. Мы пользуемся этим супералгоритмом по принципу чёрного ящика, зная о некоторых свойствах, но не понимая до конца, как и почему это происходит. И если человек этот алгоритм воспроизведёт на другом носителе, то этот «естественный» интеллект станет «искусственным». Но от понимания «что» надо создать – очень далеко до понимания «как».

Но что будет если?..

Мир Врадж

Пробуждение было сродни смертельному приговору. Ты знал, что это время неизбежно наступит и как мог его оттягивал, но электронный мозг отсчитал отведённые для тебя секунды, и всё… Абид слышал сквозь наушники слабое гудение трансформаторов, голоса операторов и чувствовал этот противный, даже тут, в лаборатории, запах уличной гари. Смог накрывал от горизонта до горизонта весь нескончаемый город. Он никогда не уходил, ни зимой, ни летом, ни когда дули ветра, ни даже когда шли дожди.

Сознание с болью возвращалось в реальность. Абиду хотелось зарыдать, закричать от отчаяния, но это было бесполезно, – он обречён жить в этом мире. Кто-то прикоснулся к руке. Глаза с трудом открылись, приглушённый свет ламп сразу ударил в глаза, захотелось зажмуриться и забыть, где ты находишься.

– Пора. Ваш сеанс истёк, – спокойно произнесла женщина и снова потрясла за плечо.

– Да, да, – нехотя прошептал Абид и стал подниматься с кушетки.

Перенаселение городов, вечная нехватка пищи и воды, безработица привели к тому, что города стали сливаться. А люди превращались не то в животных, не то в овощи. Они не знали ради чего родились. Безысходность привела к депрессии, от которой страдала половина населения планеты.

Как только человек достигал среднего возраста и получал свой окончательный чип идентификации, также получал ордер на свою клетку. Именно клетку, а не квартиру. Всё стандартно, как у всех, как у миллиона, миллиарда. Комната три на четыре, тут и коридор, спальня, туалет и ванная, кабинет и зал, кладовка и кухня. И теперь ты будешь вынужден жить в этой клетке до скончания своего короткого века, – ни обменять, ни продать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/shorohov_vladimir/seyateli

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить